

ОБ ЭПИЧЕСКИХ ВЫСОТАХ ИСАКОВСКОГО И ТВАРДОВСКОГО

Вой идет святой...

«Враги сожгли родную хату...». Исаковский имел все основания считать это одним из лучших своих произведений. Поэт писал об этом стихотворении: «...я как бы вижу, ощущаю живого, реального человека — русского солдата, вернувшегося домой, солдата — героя и труженика, перенесшего все тяготы самой страшной войны, какую когда-либо знало человечество. И даже не одного только этого солдата, но в его лице — и много других солдат, чья судьба в какой-то мере сходна с его судьбой».¹

У Исаковского это довольно редкий случай, когда он становится эпиком в самой лирике. Глубина стихотворения о солдате, вернувшемся домой и не нашедшем ни семьи, ни дома, определена трагической коллизией, где общее не просто выразилось в личном, но и столкнулось с ним, без разрешения в чью бы то ни было пользу.

В стихотворении есть эпический, почти сказочный масштаб исторической песни:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Характерна неопределенность самих определений: не «немцы», а «враги», не «повесили», «расстреляли», а — «сгубили». Повтор-причет усилил народную интонацию, в которой и идет весь рассказ о безымянном солдате на фоне почти былинного пейзажа:

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Характерна и тяга к формуле. Эта формула есть в стихотворении «Газете „Правда“»: «Свой день, свой праздник празднуешь ты снова...» Но в стихотворении «Враги сожгли родную хату...» в устах обращающегося к убитой жене солдата она бесконечно углублена, становясь выражением личной судьбы, обогащаясь психологически за счет горькой иронии:

«Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

¹ Исаковский М. Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. IV. С. 206.

Есть в стихотворении тяга к насыщенной символической. Когда солдат ставит «бутылку горькую» на «серый камень гробовой», то прямой смысл эпитета перерастает в переносный. Но образ не остается лишь обобщенным образом солдата. Есть здесь конкретное обращение:

Стоит солдат — и словно комья
Застрыли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего».

Это имя (оно повторится) определило не только женщину. Оно дало частное существование и герою:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Здесь не просто столкнулись личное и общее. Сам солдат несет это общее и выражает его: «слуга народа!» Но что это общее в самых масштабных его проявлениях («три державы покорил» — державы!) перед личным горем? Что «три державы» (или десять), когда одной (единственной) Прасковьи-то нет. Что это общее перед лицом личного? Но они связаны, ибо «враги сожгли родную хату, // Сгубили всю его семью». Многозначные смыслы эти и отношения сошлись и сомкнулись в единство в последних стихах:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Разве можно себе представить медаль эту, но без «Будапешта»? Здесь общее и личное слилось. Само общее получило частное выражение, само личное стало носителем общего, но после всего рассказа мы уже знаем, что этим общим оно не покрыто, не заключено только в нем, но, его же выражая, ему же противостоит.

Думаю, что именно этот драматизм, скажу даже, трагедийность стихотворения и пришлось не по душе иным рьяным читателям и критикам его. «„Несбывшиеся“ надежды воина-победителя искажают образ советского человека, замыкают его в мирок личных утрат и переживаний», — писал один из критиков. «...В самом деле, почему это у Исаковского сказано: „Куда теперь идти солдату, Кому нести печаль свою?“ Разве у нас некуда пойти?» — вторил один из читателей. Отбиваясь от такой критики, поэт сказал точные слова: «...я ощущаю живого, реального человека — русского солдата, вернувшегося домой».

В этом стихотворении о народной трагедии войны Исаковский поднимается до эпических высот, оставаясь вполне лириком. Хотя в целом, повторяю, Исаковский не эпик. Эта традиция получила продолжение в творчестве другого поэта — Александра Твардовского.

Исаковский уверенно называет Твардовского самым крупным, самым талантливым нашим поэтом. Это не просто дань добрым чувствам, личным привязанностям и многолетней дружбе. Может быть, как раз то, что они вышли из одного географического и поэтического гнезда («смоленская школа»), тем более подчеркивает разницу между ними.

«Василий Теркин» — сам эпос. Не эпическое произведение в том значении, в каком обычно объединяют под этим названием романы и повести, басни, рассказы и поэмы, а эпос, как говорил Гегель, в собственном смысле слова, эпос уже в том значении, в каком понимают гомеровские поэмы, «Войну и мир».

Если приложить к «Василию Теркину» гегелевские квалификации эпоса, мы поразимся, сколь точно «Теркин» отвечает тому, что великий энциклопедист, прежде всего на основе Гомера, определял как эпос. «Теркин» не просто в ряду других, «хороших и разных» поэм и стихотворений о войне — он явление единственное в своем роде. Поэт назвал свое создание так, как назвал «Войну и мир» Лев Толстой, — «книга». «Жанровое обозначение „Книги про бойца“, на котором я остановился, — писал Твардовский, — не было результатом стремления просто избежать обозначения „поэма“, „повесть“ и т. п. Это совпадало с решением писать не поэму, не повесть или роман в стихах, то есть не то, что имеет свои узаконенные и в известной мере обязательные сюжетные, композиционные и иные признаки. У меня не выходили эти признаки, а нечто все-таки выходило, и это нечто я обозначил „Книгой про бойца“. Имело значение в этом выборе то особое, знакомое мне с детских лет звучание слова „книга“ в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре. Если говорилось, бывало, среди крестьян, что, мол, есть такая-то книга, в ней то-то и то-то написано, то здесь никак не имелось в виду, что может быть другая, точно такая же книга. Так или иначе, но слово „книга“ в этом народном смысле звучит по-особому значительно, как предмет серьезный, достоверный, безусловный».² Так называют первые, основные книги в жизни народов — библии (библия — книга). Кстати, уже в одной из первых статей о «Василии Теркине» мелькнуло это понятие «библия», солдатская «библия». Все в книге идет от состояния мира, действительности, в ней изображенных. Опять-таки, обращаясь к Гегелю, можно было бы назвать это состояние героическим.

«Теркин» — произведение подлинно народное. Недаром автор писал, что Теркина создал народ: «„Василий Теркин“ вышел из той полуфольклорной современной „стихии“, которую составляют газетный и стенгазетный фельетон, репертуар эстрады, частушка, шуточная песня, раск и т. п.».³

Без тебя, Василий Теркин,
 Вася Теркин — мой герой.
 А всего иного пуще
 Не прожить наверняка —
 Без чего? Без правды сущей.
 Правды, прямо в душу бьющей.

² Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. II. С. 288—289.

³ Там же.

Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

«Откуда пришел — туда и уходит. И в этом смысле „Книга про бойца”, — как я уже отчасти говорил, — произведение не собственное мое, а коллективного авторства».⁴

Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

Твардовский писал: «„Книга про бойца”, каково бы ни было ее собственно литературное значение в годы войны, была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение полной свободы обращения со стихом и словом...»⁵ И. Бунин восхищался: «Это поистине редкая книга. Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный, народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова».⁶

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,

И один, как перст, подчас.
Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем...
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Недаром один из критиков сказал, что Твардовский о войне писал лучше, чем о деревне. Да, «лучше», но лишь в том смысле, в каком эпос в собственном значении «лучший», уникальнейший род литературы, возникающий в редкие исторические эпохи, в пору героического состояния нации, в том смысле, в каком «Война и мир» «лучше» трилогии Толстого, с одной стороны, и «Анны Карениной» — с другой. Здесь не все зависит от поэта, или, вернее, почти все от него не зависит.

Здесь все решала война, ее характер. Война была всенародным, и общенациональным, и всемирно-историческим событием. «Глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне, — писал поэт, — с первых дней отличила ее от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний».⁷

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. I. С. 16.

⁶ Бунин И. Письмо к Н. Д. Телешову от 10 сентября 1947 года. Цит. по: Тарасенков А. К. Статьи о литературе. М., 1958. Т. 2. С. 381—382.

⁷ Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. I. С. 15.

Алексей Сурков сказал однажды, что на место Теркина «нельзя поставить первого попавшегося солдата прошлой мировой войны, хотя бы такого же смекалистого, задорного и неунывающего».⁸ Да. Но солдата Отечественной войны 1812 года в какой-то мере можно было бы поставить. В то же время известно, что возникший еще в финскую кампанию образ Васи Теркина совсем не отлился в характер, каким мы знаем Василия Теркина войны Отечественной. Более того, его богатырские деяния иногда напоминают лубок. Сам Твардовский позднее решительно поставил границу между изображениями богатыря-солдата, «русской ложкой деревянной» убивающего десять фрицев, и Василием Теркиным.

С классическим эпосом «Теркина» роднит и то, что в центре книги, как в «Одиссее», стоит один герой, который сконцентрировал в себе особенности национального характера. Конечно, Теркин — советский солдат, и не может быть другим, но это русский советский солдат — и вне этой ярчайшей национальной определенности он не существует. Это тип нации, это «возвращение русского человека к лучшему русскому человеку»,⁹ — справедливо отметил критик. Это-то национальное лицо делает его эпическим героем, героем книги, которая, как подлинный эпос, не имеет ни начала, ни конца.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

В «Войне и мире» Толстого говорится, что Кутузов умер, когда исход войны уже был решен, умер, так сказать, по исторической необходимости. Так «умер» и Теркин: в последних главах его уже нет.

Драматизм отдельной судьбы исследовать до конца Твардовский будет в поэме «Дом у дороги», где есть такая индивидуализация, такая неповторимость жизненной судьбы, которая Теркину как типу национальному противопоставлена. В то же время книга полна действия, но действие это всегда определяется событием. В каждый данный момент герой ведет себя так, как будто бы здесь вот, сейчас, решается все, судьба всей войны, ибо:

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Делалось немало попыток определить Теркина. И надо сказать, что традиция лубка тяготела не над поэтом, а над читателями. С. Маршак сказал о Теркине: «балагур и гармонист».¹⁰ Да, и он тоже, но не только. Писали и о Теркине умном, и о Теркине хитроватом, и о Теркине печальном, и о Теркине любящем. Но Теркин не поддается ни одному такому определению, не поддается одному, потому что поддается всем.

«Объективность эпического характера, — сказал Гегель, — прежде всего в особенности для главных фигур, сводится к тому, что они сами по себе представляют полноту черт, что они являются цельными людьми, поэтому в

⁸ Сурков А. Поэзия народа-победителя // Лит. газета. 1945. 27 мая.

⁹ Вильям-Вильмонт Н. Заметки о поэзии А. Твардовского // Знамя. 1946. № 11—12. С. 205.

¹⁰ Маршак С. Ради жизни на земле. Заметки об Александре Твардовском. М., 1961. С. 10.

них можно проследить развитие всех сторон души вообще, а конкретнее — развитие национального склада мыслей и способа деятельности...»¹¹ Теркин — национальный герой, и его многосторонность есть свидетельство развитого до высокой и многосторонней человечности духа нации. Этот дух в поэме позволяет безотносительно к ситуации сохранять оптимизм. Вот почему один из читателей пишет, что рассказ о том, как сорвалась переправа, «в десять раз оптимистичнее всех других самых победных рассказов».¹² Теркин ведет бой не только ради жизни. На его стороне сама жизнь, он — сама жизнь. Не случайно трансформировалось у Твардовского русское, традиционное солдатское, еще суворовское: «чудо-богатыри» — «русский чудо-человек».

А рукопашная схватка Теркина с немцем — это и символический бой двух миров, а не «один из эпизодов фронтовой жизни, зрелище заурядного кулачного боя».¹³ В такой поэме кулачный бой не может быть заурядным. И очень важно, что бой рукопашный, кулачный: тело с телом, как извечно в воинском эпосе.

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну.
Мертвый буду на живом.

Вместе с тем эпос Твардовского — эпос нового времени. С этой точки зрения наличие в «Теркине» отчетливо выраженного авторского начала принципиально важно. Дело не в том, что поэма становится так называемой лиро-эпической поэмой. Сам лиризм этот эпичен. Сам лирический поэт — ее эпический герой тоже. Он двойник Теркина. Эта удвоенность, помноженность нужна здесь: поэт, как Теркин, Теркин, как все, все, как все — и каждый сам по себе. Удивительное, счастливое, редкое состояние. Недаром А. А. Ахматова об этом времени сказала: «Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».¹⁴

¹¹ Гегель. Сочинения. М., 1958. Т. XIII. С. 250.

¹² Писатели в Отечественной войне 1941—1945 годов. Письма читателей. М., 1946. С. 112.

¹³ Роцин П. Ф. Александр Твардовский. М., 1966. С. 121.

¹⁴ Ахматова А. А. Коротко о себе // Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 1. С. 20.